

ТЕАТР

«НОРА»

НА ПСКОВСКОЙ СЦЕНЕ

ГЕНРИК Ибсен не принадлежит к числу писателей, произведения которых привлекают ясностью жизненных позиций. Как и сама жизнь великого норвежского драматурга, творчество его сурово и противоречиво. Ибсен — один из самых сложных писателей в истории мировой литературы. В течение десятилетий вокруг его имени кипели страсти. Предметом них были драмы Ибсена. И хотя о них высказывались самые разноречивые мнения, драматург снискал себе славу писателя гуманистического и свободолюбивого.

В России в начале века ибсеновские пьесы занимали важное место в репертуаре Московского Художественного театра. Незабываемые сценические образы в пьесах Ибсена создали такие замечательные русские актеры, как К. С. Станиславский, В. Ф. Комиссаржевская, М. Н. Ермолова, В. И. Качалов. Пьесы его и теперь ставят многие театры мира. Со сцены не сходят «Кукольный дом» («Нора»), «Враг народа» («Доктор Стокман»), «Привидения», в концертном исполнении с музыкой Эдварда Грига постоянно идет «Пер Гюнт».

ЧТО ЖЕ главное в искусстве Ибсена? В чем его великая притягательная сила и его трагедия? Драматургия этого писателя — искусство бесстрашной правды. Оно пронизано ненавистью ко всякой фальши и лицемерию, обладает большой силой критического обличения. Но Ибсен был беспомощен в разрешении возникающих перед ним проблем.

При всей своей сложности и противоречивости драматургия Ибсена и сегодня волнует идейной остротой пьес, глубиной проникновения в жизнь и в духовный мир человека, высокой художественностью. И хорошо, что в репертуаре нашего Псковского областного драматического театра появилась «Нора» («Кукольный дом») — самое знаменитое произведение норвежского классика.

После премьеры прошло уже достаточно времени, чтобы поразмыслить над новой работой театра. Спектакль понравился зрителю, вызвал большой интерес, заставил о себе говорить. Мнений много, но все они совпадают, но главное определилось: режиссер В. Короткевич, актеры, занятые в спектакле,

сумели донести до зрителя трагедию буржуазной семьи, внешнее, «кукольное» благополучие которой рушится при первом же жизненном испытании.

Для постановщика и исполнителей ролей Норы и Хельмера есть определенные трудности в раскрытии замысла драматурга: показать, что предпосылка катастрофы семьи лежала не в криминальной истории Норы, а в самой основе семейной жизни супругов. Это значит, что вниманием зрителя должен завладеть не «уголовный» момент в развитии действия, не занимательная интрига, а раскрытие существа характера Торвальда Хельмера и истинного положения Норы в семье. Для развития действия в спектакле история преступления Норы важна. Последствия именно этого преступления толкают дом Хельмера к катастрофе. И все же задача актеров и постановщиков — убедить зрителя в том, что в трагедии Норы дело решается не случайностями, а сложными переплетениями общих условий жизни, с которыми она сталкивается.

УДАЛОСЬ ЛИ это в рецензируемом спектакле? В какой-то мере — да. Исполнительница роли Норы актриса Н. Короткевич сумела прочесть авторский подтекст роли. Подтекст этот таков: превращение Норы в человека, решительно порывающего с привычным укладом жизни, является неизбежным результатом всего ее прошлого жизненного опыта.

В начале спектакля Нора — легкомысленная, кокетливая и немного наивная женщина, и у зрителя появляется ощущение благополучия, уюта, ничем не омраченного семейного счастья. Первые реплики актрисы, ее легкие, радостные, немного торопливые движения как бы подчеркивают атмосферу безмятежности. Это ощущение усиливается мягким, слегка снисходительным отношением к Норе окружающих ее людей. Это хорошо передает исполнительница роли фру Линне (арт. В. Ланкевич), Анны-Марии (арт. Л. Деримарко) и служанки (арт. Р. Незнамова).

Но вот диалог с Торвальдом... В поведении актрисы, в ее тоне появляются едва уловимые нотки нервного напряжения, какой-то внутренней тревоги, пока еще непонятной зрителю.

Одна из наиболее удачных сцен — диалог с док-

тором (артист С. Мучеников). С подкупающей искренностью, верно передавая полусознанную уверенность в силе своего влияния на этого человека, Нора как будто проткывает перед ним мучительную тайну своей жизни. Сидя в зрительном зале, остро ощущаешь напряжение этого момента, и, кажется, вот сейчас произойдет разрядка, что-то изменится в положении женщины. Но сделан неверный шаг, и момент упущен... Нора снова замыкается в своих неразрешимых противоречиях.

Сложность для актрисы состоит и в том, что на глазах у зрителя должно произойти не только раскрытие прошлого жизненного опыта Норы, по-новому освещающего ее внутренний облик. Главное — должно произойти преображение героини в зрелую женщину, готовую к суровой борьбе и лишениям. И здесь, может быть, не столько важно, в какой момент это произойдет, сколько — как это превращение будет мотивировано, подготовлено всем ходом спектакля.

Актриса верно поняла, что безумная трепота Норы, ее нарастающий страх, хотя и тщательно скрывается ею, все же окрашивает все ее слова и поступки во втором — третьем актах. И чем тщательнее скрывает она эту тревогу, тем яснее становится зрителю, что катастрофа неминуема. Произойдет ли чудо?

НО ЧУДА не произошло. В финале спектакля в процессе решительного объяснения между Хельмером и Норой по замыслу автора должно произойти раскрытие гнусного внутреннего существа человека, скрывающегося под элегантною маской строгого моралиста, любящего мужа.

Да, чуда не произошло. Режиссерское ли толкование образа Хельмера сназвалось или какое-то внутреннее неприятие образа исполнителем роли, интелесным в творческом отношении и полюбившимся псковскому зрителю актером Р. Кушнаревым, — только не получилось яркого контраста между внешней респектабельностью и внутренним ничтожеством Торвальда. С первого появления на сцене, с первых его реплик он предстает мелким, незначительным человеком. И удивительной кажется страшная жертва, которую Нора принесла ему и за которую так долго, так му-

чительно расплачивалась.

Не получилось контраста, который задуман Ибсеном и который много объясняет в образе Норы. Торвальд Хельмер тем и страшен, что, будучи грубым и трусливым эгоистом, готовым на любую подлость, на любые унижения, чтобы сохранить свое положение в обществе, ценою лжи и лицемерия создает не только видимость счастья для жены и благополучие в доме, но и умеет казаться обаятельным, великодушным, нежным и щедрым.

В Торвальде — Кушнареве все ясно с самого начала спектакля. Сила контраста в том и состоит, что он усиливает обличение. Финал спектакля прозвучал не на той высокой обличительной ноте, как было задумано автором. Может быть, поэтому торопливый уход Норы из дому в небрежно накинутой на плечи шубке как-то не воспринимается, как окончательное, подготовленное всей предыдущей жизнью решение. Можно спорить об этом, но, думается, уход героини, тщательно одетой для дальнего пути, с самым необходимым багажом в руках был бы более убедительным: ведь Нора уходит навсегда, ей нет возврата в дом, где она прожила восемь лет с чужим ей человеком и где была, как она понимает теперь, лишь игрушкой, куклой.

В пьесе Ибсена, кроме основной идеи — равноправия и освобождения женщины, — явственно звучит еще и мысль о поруганном, затоптанном в условиях буржуазного общества женском, человеческом достоинстве, о праве человека на счастье и уважение. Эта мысль раскрывается в образах фру Линне и Кругстада. Оба они тоже стали жертвами насквозь фальшивого и порочного общества, где человек человеку — враг. Хочется особо отметить большой такт и внутреннюю собранность в игре артистки В. Ланкевич. Ее фру Линне — очень обаятельная, гармоничная. Несомненно актерская удача артиста В. Маслова в образе Кругстада. Эта роль таит в себе опасность излишних злобных акцентов и сгущения красок. Хорошо, что актер сумел подчеркнуть в своем герое его человеческие черты, сумел мотивировать и разумно обосновать его поступки.

Драматическую напряженность спектакля удачно подчеркивает и усиливает музыка, очень лаконичная и выразительная.

Обращение областного театра к творчеству норвежского драматурга свидетельствует о все расширяющемся творческом диапазоне и о больших возможностях коллектива.

И. ЖУРАВЛЕВА.

г. Псков.